

ДОМОДЕДОВО, 2016

Дети Соловорана

КНИГА I Карты миров

ПОНОМАРЕВА ЕЛЕНА ВИТАЛЬЕВНА

Под редакцией Бондаренко Л.К.

e.ponomareva@it-savant.ru

+79262890429

Оглавление

Глава 1. Есть на свете долина духов.....	3
Глава 2. В ночи.....	7
Глава 3. У морской колдуньи.....	9
Глава 4. Капитан Дагон.....	13
Глава 5. Продавцы Порроков.....	16
Глава 6. Карта и казнь.....	21
Глава 7. Потерянные в темноте.....	23
Глава 8. Возвращение на корабль.....	26
Глава 9. Шторм.....	28
Глава 10. Борьба с темнотой.....	31
Глава 11. Под воду.....	34
Глава 10. Внезапная встреча.....	37
Глава 12. Перед переменами.....	40
Глава 13. Итолоки и ариины.....	42
Глава 14. Новый путь.....	45
Глава 15. Битва.....	47
Глава 16. Побег.....	49
Глава 17. Снова буря.....	52
Глава 18. Шахта и лестницы.....	54
Глава 19. Наоборот.....	56
Глава 20. Караваны.....	59
Глава 21. Два города.....	64
Глава 22. Библиотека.....	70
Глава 23. Усыпальницы.....	75
Глава 24. Другая половина.....	77
Глава 25. Рассказ Рийто.....	79
Глава 26. Отцовский долг.....	82
Глава 27. Городской сад.....	84
Глава 28. В коридорах.....	92
Глава 29. Предатель.....	96
Глава 30. Блиц поворот.....	98
Глава 31. Снова подземелья.....	102
Глава 32. Подросток.....	104
Глава 33. Бой.....	109
Глава 34. Свадьба.....	111

Глава 1. Есть на свете долина духов

Как-то заблудившийся теплый южный ветерок влетел в желтеющий лес. Он свернул за меловую гору и оказался на широкой равнине, разделенной тонкой ниткой ручья.

Ручей почти пересох за лето, но теперь, когда на дворе стояла туманная осень с её проливными дождями, он стал похож на маленькую речку. Холодные потоки лились тягучими студеными косами, неся с собой аромат прелых трав. Вдоль ручья по пологим берегам, покрытым желтым мхом, стояли заросли ольхи и дерна. Вдалеке виднелась тихая деревушка, разбросанная вдоль глубокого оврага. Земляные насыпи домов, покрытые камышом, оцепенели в ожидании предстоящего дождя. Ветер с налёту споткнулся о край крыши, увитой стеблями дикого чеснока, задрал солому и помчался лавой вниз, цепляясь за кусты розового шиповника. Крупные ягоды, вперемешку с листьями, рдевшими пожаром, покачивались на ветру, издавая тихое шуршание.

С той стороны чаши от хвойного леса начиналась тропа. Она пересекала деревеньку насквозь, извиваясь между невысокими хижинами. За крайним домом тропа резко распрямлялась, как стрела, неожиданно заканчиваясь у почерневшей от времени крепкой бревенчатой хижины. То было единственное в этих краях большое строение из брёвен. Непохожее и одинокое, оно стояло черной сопкой недалеко от ручья. Между брусьями виднелся выцветший от дождя и солнца мох. Местами он висел лохмотьями, напоминая растрепанные космы лесной колдуньи. Наверху дома лежала крытая дёрном крыша, – высокая и кривая, она была похожа на остов древнего корабля, неведомо откуда взявшегося в этом заброшенном краю. Местная детвора стремилась попасть в это таинственное жилище разными способами. Большей частью, они с большой охотой несли подношение от своей семьи с надеждой услышать необыкновенные, пахнущие далёким солёным морем, истории.

Вдруг на серой тропинке, поросшей желтой травой, появились три деревенских мальчика. Бронзовые тела были обмазаны красной глиной, так, что они могли не бояться ветра. В руках у старшего был пахучий, завернутый в папоротник горшочек с пряной едой. Осторожно ступая крепкими босыми ногами, они стремились обогнать дождь. Громко обсуждая последнюю новость, мальчики шумно подошли к хижине. Вход был занавешен старой воловьей шкурой, скрывавшей дощатую дверь. Дверь была особым предметом восхищения деревенских, так как висела не на кожаных лямках, как у всех, а крепилась металлическими петлями.

Войдя внутрь, они увидели непривычную для них обстановку. Развешанные по стенам дома травы и корни издавали головокружительные ароматы. Резкий запах дикой полыни смешивался с запахом мяты и корицы, а высокогорный имбирь с терпким духом драгоценного женьшеня. Посредине жилища стоял темный старый очаг. Около него сидела старая женщина, одетая в тканую одежду из крапивы. Тонкие высохшие запястья были перехвачены черными амулетами, издававшими при движении странные, чарующие звуки. То была хозяйка жилища, старая шаманка Шуе, обитавшая в этом доме много лет, с тех самых пор, когда дикие кабаны протоптали дорогу в нижний овраг. При виде детей она зашевелилась, повернула голову, и сетка глубоких морщин расплылась в широкую улыбку. Раздался голос, который звучал тихо, но властно. "Заходите, заходите, – довольно пробурчала она, с трудом поднимаясь. – Ставьте горшок и садитесь!". Она медленно двинулась навстречу детям. Старший мальчик, который принес еду, подхватил у младшего горшок с углями и высыпал их в очаг, где уже лежали сухие дрова. Из приоткрытой двери дунул шальной ветерок, и угли разгорелись огнем, быстро пожирая сухие ветки. Дым медленно потянулся вверх, распространяя по хижине приятное тепло.

Шуе достала котелок, который лежал среди прочей утвари, и вылила туда принесённую похлебку. По комнате разнесся запах баранины с гречневой кашей и чесноком, от которого у детей потекли слюнки. Бабушка улыбнулась, видя их заинтересованные лица, и

достала три деревянные плоски. Младший нерешительно подался вперед, но старший его остановил.

"Нечего стесняться, – сказала старая женщина. – Садитесь, ешьте!".

Дети дружно взяли в руки предложенную еду и с удовольствием обмакивали кусочки лепёшки в густую кашицу. Быстро насытившись, они выжидательно уставились на хозяйку, почти гипнотизируя её.

– Ну, что вам еще? – спросила она.

– Сказку! Шуе, расскажи сказку! – загалдели они.

– Какую?

– Про духов!

– Про духов... каких, морских или лесных? Ну да ладно, гм - м, как же это начиналось. Забыла я...Ах, да, ну, конечно!

Она закрыла глаза, откашлялась и тяжело вздохнула. Голос старой шаманки поплыл по хижине, обволакивая и завораживая притихших детей. Он как бы раздвинул крепкие стены, забирая их целиком, вытеснил запахи и звуки, слившись с мокрыми осенними ветрами.

«Есть на свете мир, зовущийся с незапамятных времен Соловоран. В самом его центре раскинулась священным саваном долина духов, – начала Шуе. – Лежит она между двух тёмных скал, что стоят, как близнецы, вонзаясь в туманное небо. И только горный орёл может долететь туда, да старый шаман, знающий тайны жизни и смерти, приходит в долину за новыми заклинаниями. Ночь там темнее самой тёмной ночи, а день тёмный, как мрак, что за краем мира. Безлунными вечерами в центральных гротах слышен шум далёких звёзд, что издревле рассыпаны исполинами по седеющему небу. По преданию, долина эта – пылающее сердце Соловорана. В ней находится разлом, в который как в окно смотрят духи в иной мир. И могут они говорить там с человеком, пьяня его тайнами и тревожа его сердце. Духи могут уничтожить пришедшего, превратив его в тень, но могут одарить одним из трёх даров. Первый дар – это дар видеть невидимое, второй – созидать неосознанное, а третий – ходить меж миров. Но, правда то или ложь – знать мне не дано. Знаю только историю одну, которая с эти местом связана. Вот её сейчас и расскажу.

В том мире стоял сумрачный полдень. Облака лились на землю хмурым светом. Миражом утренней луны маялись вдалеке бесконечные тёмно-зеленые горы. По их подземным пещерам, уходящим шахтами глубоко под землю, ползали механические гусеницы с алым знаком «V» на металлических боках. Они жадно охотились в недрах за какой-то неведомой добычей. Сокрыты были гусеницы от наивных глаз человеческих толщей земли, но ничто не ускользнёт от духов. Ибо духи и есть первобытная сущность, явившаяся древним провидением человека.

Свечи елей, шедших вдаль на сотни километров от гор, обрывались у широкой судоходной реки. Её девственные берега застыли в очаровании красотой цветочного поля, смотревшего на лес с противоположного берега. Вода в реке казалась тёмной, и ее мутные воды текли вдаль с незапамятных времен.

Внезапно, серое небо, казавшееся неотделимым от воды, вздрогнуло и прорвалось первыми каплями ливня. На блестящую поверхность водной глади упали острые копыта дождя, сверху и снизу, ломая иллюзорную реальность параллельного мира. Как назойливая мошкара, разбивались они кругами, тревожа воду. И с каждой каплей Ему становилось все беспокойнее. Каждый всплеск разрядом молнии заставлял вздрагивать остановившееся сердце, пока, наконец, оно не забилося само, разливая потоками жизнь по окаменевшему телу. Его спящий дух был призван. И Он пробудился...

Хлынул невообразимый ливень.

Пятидесятиметровым чудовищем, Он вышел в тот мир из воды. С гигантской зубастой пастью и телом, усыпанным чешуей. Имя ему было Ак-нагамба – золотой спящий дух.

Гусеницы на секунду замерли в своих тоннелях, но потом продолжили свои поиски, как будто ничего не произошло.

Тысячи лет прибывал Спящий в небытии, находясь телами во многих мирах одновременно, и, в то же время, ни в одном из них. Непостижимы были мысли его и чувства в то время. Но перейдя в состояние Новорожденного, Ак-накамба стал частью этого мира, ибо по законам нашего мироздания, дух, пришедший в миры во плоти, прекращал свой путь в качестве бесплотной беспричастной сущности и отныне становился смертным, и прежде всего, живым.

Ак-нагамба с трудом контролировал это тело, которое было голодно. Он резко повернул голову в сторону деревни и жадно втянул воздух. Потом пополз вниз, припечатывая, как кузнечными наковальнями, мощными лапами изумрудную траву. Его когти причесывали тонкие линии осоки, оставляя глубокие борозды в зеленой поросли.

А за ним, застыв в немом безумии одиночества, остановилась река. Как беспомощная жертва перед лицом смертельной ловушки, она будто сделала глубокий вздох, вспучившись холмом, после чего немислимым водоворотом почти вся исчезла в черной яме.

И понеслись потоки вниз по отводным металлическим трубам, по петляющим круглым коридорам в смертельном зловонии с масляным вкусом. Погибали там живые существа, невинные дети реки. И смертельная колыбельная рокотом раздавалась в пустых коридорах, замерших в ожидании. Где был конец ее пути, и какова была цель – мне не ведомо.

Но когда происходят такие вещи, рушится целостность мира. Где-то в далёких нейронных сетях времени обрывается множество связей. Происходит искажение предопределенности, образуя изломы и всплески. Подобно ловушкам, они теряют связи с прошлым и будущим, прерывая Природу, ставя под сомнение право мира на существование в сетке миров.

Обладая даром предвидения, Спящий успел выйти из пограничного сумрачного состояния, и выбраться из разрушаемой колыбели.

Лишенный пристанища, пополз он до ближайшей рыбацкой деревни. В разорванном небе языки молний били наотмашь по промокшей долине. В свете меркнувшего солнца в огромной пасти исчезали людские припасы, рушились дома. Люди в ужасе бежали прочь, пытаясь укрыться в соседней деревне, что была на холме неподалеку. Но этого было недостаточно. Мучимый неведомыми чувствами гнева и отчаяния, Ак-нагамба все куда-то полз и полз, словно искал потерянное внутреннее равновесие, желал залатать пустоту, образовавшуюся на месте его реки.

И теперь он был разъяренным Миричи – сверх существом, представителем параллельной формы жизни человеческой ветви. Обладая невероятной силой в любом мире, в каждом из измерений он оборачивался в разные формы, и везде имел преимущество перед людьми. Миричи остановился, ещё раз повернулся к реке и издал полный боли громогласный вой. Горы сотряслись эхом. Духи подхватили этот клич. Ибо они узнали, что в этом девственном мире поселилось чужеродное Зло.

Спутанная трава вперемешку с цветами цикория и череды колыхалась на прогретой солнцем долине, приютившей соседнюю деревушку. Здесь было мало деревьев, но земля пахла плодородным, сильным грунтом. В прозрачном сером воздухе медленно покачивались птицы. В пылающих раскатах молний из-за туч показался ослепительно яркий луч солнца. Он был прекрасен, как само мироздание, отраженное в детских серо-зеленых глазах двух детей-сирот, приоткрывших полог своего пристанища. По полям, усеянным розоватыми цветами гречихи, гулял веселый ветер. Он трогал сорные травы и благородные растения одинаково ласково. Всего несколько километров отделяли это безмятежное место от соседней деревни, лежавшей у самой реки. Но здесь, касалось, все было по-прежнему. Занятые своими домашними делами, люди не замечали, что в небе что-то изменилось. Дети спрятались в своем жилище и, обнявшись, уснули, как маленькие зверьки во время грозы. А буря тем временем приближалась.

Наевшись человеческим хламом, несшим тошнотворный запах немытых тел, чудище захотело пить. Теперь оно шло в поисках воды... или крови!» - Маленькие слушатели выдохнули при восклицании старой Шуе. А та, наслаждаясь произведенным впечатлением, продолжала дальше.

«Вскоре буря докатилась и до соседней деревни. Миричи шел, как опустошительный смерч. Как новорожденный ребенок, не разбирал он на кого гневаться. И воцарил в деревне ужас. Люди хватали свои пожитки, пытались спасти кур, брали плачущих детей и бежали прочь – несмотря на непогоду, наперекор ветру».

«Вскоре вся деревня опустела. Повсюду стояли брошенные хижины. Всех детей забрали. Над окрестностями висела густая тишина».

«Дух реки вполз в поселение. Он поворачивал слепую голову то к одному дому, то к другому. Воды нигде не было, люди унесли все запасы с собой. С неба лились потоки, но он не мог напиться сотней капель. В одной из землянок он нашел свежее молоко. Оно стояло в деревянной кадке у порога. Ак-нагамба попытался выпить его. Но пасть была слишком большой, а ее жабя форма не давала протиснуться в крохотное ведерко. Тогда дух высунул раздвоенный язык и потянулся, опрокинув ведро».

«Внезапно одеяла в дальнем углу темной комнаты зашевелились. И детский сонный голосок позвал: «Мам?».

«Мамы нет, - раздался голос постарше из другого угла. – Она не придет. Спи!».

«Кто тут?»- Вдруг спросил голос старшего. Чудовище снова открыло пасть, и оттуда понеслась нестерпимая вонь.

- Фу! - слышался детский голос. - Чем это так воняет? Ты опять позабыла вынести гнилую капусту, которую принесла наша тетка?

- Я её еще на прошлой неделе выбросила!-раздалось в ответ.

Внезапно загорелся свет восковой свечи, после чего свечка упала и погасла.

В темноте раздался испуганный вздох. «Бежим!» - слышался стук откидываемой крышки погреба в полу. Девочка почти кубарем скатилась по ступеням вниз и замерла. Но уже через мгновение она осознала, что в погребе, кроме нее никого нет. Решительно выдохнув, Лиид бросилась обратно. Она испуганно осмотрелась вокруг. В тусклом свете луны, освещавшей порог жилища, у самой зубастой пасти чудища стоял пятилетний мальчик. Светлые прямые волосы трепал ветер. Большие глаза удивленно и доверчиво смотрели на незваного гостя. Малыш протягивал Ак-нагамбе крынку с пахтой. Чудище тем временем наклонилось почти к самому полу, жадно открывая пасть. Его слепые глаза смотрели в одну точку. Застывшая картина, как опрокинутый рассудок в забытом сне, отразилась в проекции сознания его сестры.

-Деник!

-Тише, Лиид, ты его напугаешь! Оно всего лишь хочет пить!

- Деник, кидай в него крынку и беги со всех ног ко мне – сказала девочка – и не бойся!

- А я и не боюсь.

- Иди сюда! – Лидия решительно бросилась вперед, но чудище метнулось сперва в сторону, потом кинулось к хижине, отделив своим телом её от маленького брата. Оно схватило Деника и ринулось прочь, повалив гигантским хвостом сваи, после чего крыша землянки повалилась прямо на девочку. Пара мгновений – и ее худое тельце присыпало мусором и обломками. Пришлось выбираться изо всех сил. Выскочила она на улицу. Испуганная, на вид лет двенадцать. Длинные каштановые волосы растрепанные, лицо с серо-зелеными глазами столь бледное, что как лунь светится. А навстречу ей дул немилостивый холодный ветер. К тому времени божество реки было уже далеко, только на дальнем холме за деревней в свете вечерней луны мелькнул огромный силуэт. Буря закончилась».

«Девочка, конечно, бросилась за ними, но где ей угнаться за гигантом? Она пробежала всю деревню, выскочила на просеку, вдоль которой цвела гречиха. Почти высохшее русло реки смотрелось как огромный черный слизняк. Оно хлюпало и местами вздымалось. Растительность, произраставшая на дне, уже начала издавать неприятный запах».

«Лидия сперва бежала, потом просто шла и, наконец, остановилась. Тело трясло от перенапряжения. Легкие горели. Темен был предрассветный час. Едва слышно, почти

только шевелением губ она сказала: «Мама, я его найду. Чего бы это ни стоило. Обещаю». И на нее нахлынули горькие слезы».

«Лиид брела до рассвета, после чего, наконец, прилегла на склоне пригорка и крепко заснула. Удивительными потоками отнесло ее спящий разум на берег моря, который упирался в темную ложбину шеи темной скалы, стоявшей в веренице каменных подруг. Высоко, на одном из выступов, что был ближе всего к синей воде, расположилась ветхая лачуга. Наверняка в сильный шторм долетали до нее брызги, что были солеными на вкус, как детские слезы».

«Проснулась девочка внезапно, как от удара. Палящие лучи солнца расплавили влажный воздух. Сердце готово было вскочить из груди. В голове крутилась лишь одна мысль, - она должна во что бы то ни стало попасть на эту скалу из сна».

«Она шла и не оглядывалась. Не оглянулась и когда последняя пастушья метка весенних пастбищ осталась позади. Ей нечего было терять в этих краях. Она и так потеряла всех, кого любила. Отца, убитого на охоте, мать, которая, спасая скот от наводнения, подхватила лихорадку, и, не приходя в сознание, сгорела за неделю. А теперь Деника. Последнего близкого человека. Конечно, он иногда не слушался, делал все наперекор и вообще бывал несносным. Но он всегда ее защищал, даже если обидчики были намного старше. И помогал по дому. Удивительно, но маленький Деник старался вести себя как мужчина, хотя Лиид это иногда раздражало - особенно когда он лез в опасные приключения, как например, когда они с мальчишками ушли кататься на диких бизонах. И, конечно, им чуть не переломали черепа. А Деник, вместо того, чтобы убежать, вытаскивал друзей из-под копыт. В итоге, со сломанным ребром он просидел дома месяц. С такими мыслями шла девочка вперед. Невеселые то были мысли».

«Море было примерно в пяти днях ходьбы на юг».

Тут Шуе остановилась. Стало слышно, как огонь потрескивал смолой, медленно догорая в очаге. А дети хором завопили: «Ещё, Шуе, ещё!».

«Ну-ка, ишь вы, расшумелись! Я старая, и мне наскучило вам рассказывать уже эту историю, тем более, что я вижу, что вы не верите ни единому моему слову!»

«Мы верим – заверещали детишки – пожалуйста, продолжай!»

«Уже поздно, - улыбнулась шаманка, – приходите завтра, приносите еще этого» – она указала подбородком на пустой котелок.

Снаружи стоял легкий морозец. Дети рысцой бросились по тёплым домам.

Глава 2. В ночи.

В ту ночь в долину упали первые хлопья снега. Холодный зимний ветерок яростно гонял их повсюду, то и дело вливаясь в какой-нибудь воздушный поток, вихрем уносивший его в побелевшую высь. Вскоре вся земля покрылась густым слоем студеного пепла. В этом году морозы ударили очень рано, сразу захватив в плен ручей, который превратился в серебристый шрам на теле оврага.

Через поле, преодолевая встречный ледяной ветер, грозивший стать бурей, шел человек. Он был высокого роста, в овечьем тулупе, перевязанном крест-накрест серой пенькой. За спиной торчал бурдюк. Его борода и волосы покрылись инеем от влажного дыхания, поднимавшегося паром от щербатого рта. Человек тяжело и прерывисто дышал. Из-под его усов доносились странные хрипы. Казалось, что он суетливо дует себе на воротник или просто ворчит. Но если прислушаться, то можно было понять, что это-песня. Странная песня с далеких берегов. Тем удивительнее она казалась в этой белой мгле. Человек прошел еще несколько шагов и тяжело повалился в снег. Потеряв сознание от усталости и голода, он остался лежать темным пятном на безлюдной равнине.

Через некоторое время он очнулся. Превозмогая боль в теле, человек заставил себя подняться на четвереньки и, увидев рядом с собой яму, комом повалился в неё.

В одну из хижин, ту, что стояла поодаль, влетел сквозняк. Там, на толстой подстилке из соломы спала старая шаманка Шуе. Назойливый, как комар, ветер стал дуть старушке в лицо, пока та, наконец, не проснулась.

«Ну, чего еще?» – спросила она, садясь на тюфяке и потирая сонные глаза. И вдруг её осенило: «Никак духи!». Подскочив с кровати, она полезла в тайный угол, где хранила кости для разговоров с иным миром.

Наконец, кряхтя, уселась супротив огня, развернула кусок мешковины и кинула на него странную смесь предметов, похожих на черенки, косточки и куски глины. Потом долго и внимательно их рассматривала пока, наконец, не вскинула брови и не воскликнула: «Человек на равнине рядом с деревней погибает! Хм..., наверно, непростой это человек, раз за него вступились духи...».

Она набросила на себя старую бобровую шубу и вышла прочь из хижины в ночь. Едва дойдя до соседнего дома, она оттолкнула полог, плотно занавешивавший деревянную дверь, и кликнула хозяина. Им оказался мужчина средних лет, довольно крепкого телосложения, с бородой, заплетенной в форме колоса. Трудно было в темноте определить его цвет волос.

– А, Шуе! – он поклонился. – Что привело тебя ко мне?

– Вставай, Гемер, нужна твоя помощь!

Пока они шли будить остальных, на улице разыгрался настоящий буран. Снег так и валил, моментально замывая любой оставленный след.

Когда все мужчины собрались, один из них недовольно спросил: «Ты уверена, колдунья, что духи просили спасти этого человека? Взгляни, какой ветер на нас дует! По-моему, духи наоборот, хотят его смерти!» – «Ишь, ты! Вздумал со мной о духах спорить?» – Шуе внезапно выпрямилась, как будто преодолев груз лет. Ее тень прыгала от факела, горевшего в руке война, стоявшего на краю долины. «Твое дело воевать, да за женой следить. А духов понимаю здесь только я. И я говорю вам, что этот человек очень важен. За него вступились добрые духи. А Буран – злой дух. Всем известно, что он не любит людей. Так что нам надо помочь спасти человека во что бы то ни стало. И решено. Мы идем немедленно». Она посмотрела на вождя, который быстро отвел глаза в сторону – страшно и опасно было сердить колдунью.

«Что встали? Все слышали. Выходим!» – сказал он, стараясь скрыть смущение.

Там, за меловой горой, подножье которой скрывал лес, лежало поле, сокрытое между других гор. Как младшая сестра или озеро меньшего размера, лежало оно рядом с той долиной, в которой жили сейчас люди.

Лесок и гору рядом с деревней преодолели довольно быстро – здесь снег был не очень глубоким, да и ветра почти не было. Пара километров была проделана меньше чем за четверть часа.

Но потом они вышли на ничем не защищенную равнину. Двигаться стало намного труднее. Люди шли цепочкой сквозь ночь и шквальный ветер, дувший в лица. Пламя на факелах пригибалось почти параллельно земле. И вот, наконец, показалось то место, где лежал человек. Разглядеть его занесенное снегом тело в почти крошечной тьме казалось задачей непосильной. И тогда рядом с детьми рода людского появилась Тоска. Черной тучей начала она виться вокруг, и сердца людей упали. Они уже были готовы развернуться, многие стали роптать, как вдруг Шуе указала на какое-то место. Из него торчал кусок одежды. Мужчины стали копать, руками разгребая снег.

Вот показались полусогнутые ноги, потом грудь и, наконец, голова человека. Лицо невозможно было разглядеть. Казалось, что оно все почернело. Тело лежало грудью вверх на большой поклаже, которую нес странник.

Шуе кинулась к незнакомцу, потрогала его и кивнула – он был еще жив.

Вождь дал сигнал, и человека переложили на носилки из еловых веток, накинув на него овечью шкуру.

Тогда Тоска подползла к Арр-аппе, самому малодушному из людей.

«Здравствуй, Арр-аппа, – зашептала она, обвиваясь вокруг него. – Что стоишь? Кому нужен этот человек? Мы ведь даже не знаем его. Вдруг он затеял что-то недоброе? Сам посуди, зачем ему идти в такую глушь в лютые морозы? И ради этого шпиона, (да-да, это шпион-предатель или заразный!) тебя вытащили из постели и отправили в почти безнадежный поход, возможно на смерть! Несссспраааведлииииво!» – завизжала она в конце, вытянувшись высь на много метров, как кобра, и обрушилась на плечи жертвы.

"Стойте! – внезапно воскликнул Арр-аппа. – Вы совсем обезумели! Мы не потерпим, чтобы нашими жизнями рисковали из-за неизвестного человека. Мы даже не знаем его!"

Тоска сидя на плечах говорившего хохотала от каждого его слова – уж теперь-то начнется раздор в деревне, даже если сейчас ничего не произойдет.

"Арр-аппа, – спокойно сказал вождь. – Мы не знаем его, но после спасения его жизнь будет принадлежать нам. Это закон, известный всем племенам общины. Какими бы ни были его помыслы изначально, они изменятся под влиянием новых обстоятельств".

"Плохие люди не меняются!" – возразил Арр-аппа.

"Духи не ошибаются", – вступилась Шуе, и спор был окончен. Никто не хотел с ей перечесть.

«Разворачиваемся!» – крикнул вождь, и они пошли к деревне, унося тяжёлую обездвиженную ношу с собой.

Глава 3. У морской колдуньи

Люди донесли тело странника до хижины Шуе и положили его там. Один из мужчин раздул огонь в очаге, другой поспешно принес соломы из своих запасов, третий отдал старый мешок от тюфяка. Шуе тем временем вскипятила талый снег в бронзовом котле и кинула туда какие-то травы. Затем она распорядилась, чтобы достали банку козьего жира из-под лавки. Тело путника раздели до пояса, и старуха натерла его топленным жиром, после чего его тело тепло укутали и обложили соломой. Женщина влила ему в рот варево, так же щедро сдобренное жиром. Человек издал слабый стон. Когда теплая жидкость попала ему в рот, он закашлялся. Шуе зашептала, и тогда больной сделал почти два полных глотка, после чего снова потерял сознание.

Наутро весть о странном госте быстро разлетелась по деревне. У порога дома Шуе замаячили любопытные ребятишки, им было не в терпеж на него взглянуть. Но Шуе шикнула, и они быстро убрались прочь.

Шли пятые сутки как у Шуе поселился новый гость. Он все еще был очень слаб, но уже мог самостоятельно держать миску в руках. Ажиотаж, вызванный его появлением, несколько спал, однако детишки продолжали караулить дверь хижины, пытаясь каждый раз заглянуть внутрь, когда она открывалась (а открываться она стала гораздо чаще). И, наконец, Шуе не устояла перед их мольбами и впустила внутрь.

Внутри пахло горьким настоем и кислыми кожами. На тюфяке у очага лежал человек. Он отрыл глаза, посмотрел на детей и улыбнулся. Лицо сразу преобразилось. Шуе подумала про себя, что у человека с таким лицом сердце не может быть злым.. Черные пятна на теле, благодаря стараниям колдуньи, начали заживать, и потрескавшиеся губы, смазанные жиром, уже не так болели.

Мужчина попытался приподняться, но оказался слишком слаб для этого. Тогда старуха указала ребятишкам, и те приподняли его, подложив под спину валик из старой, побитой молью шкуры. Затем они расселись вокруг очага и стали терпеливо ждать, пока Шуе закончит приготовления. Двигаться теперь она стала намного проворнее, чем раньше. Вероятно, в этом был виноват новый гость. Ведь старушка потеряла всех своих сыновей (а как известно, жизнь без детей пуста), а теперь у нее снова появился, пусть и ненадолго, человек, который нуждался в ее заботе, как маленький ребенок. Шаманка сделала всем напиток из листьев мяты и зверобоя, добавив туда сладкий корень солодки. Дети с плохо скрываемой радостью приняли глиняные миски из ее рук – вкусный корешок доставался им не часто. Последнюю миску дали пришлому.

«Откуда ты родом?» - спросила маленькая девочка с негустыми каштановыми волосами, собранными на манер взрослых женщин в блестящий узел.

«Из Мадала» - ответил тот. Дети понятия не имели, где находится этот Мадал.

«А как ты попал сюда?»

«Это долгая история. У меня пока нет сил ее рассказывать. Да, вы все равно не поверите» - улыбнулся странник.

«Поверим!» - хором закричали дети. Но Шуе притворно нахмурилась, и они тут же смолкли, торопливо отхлебывая вкусный чай.

«Ладно, только недолго. Я был капитаном корабля и помог одной маленькой девочке. С тех пор я блуждаю по свету, потому что мне не дует ни один попутный ветер. Зато я очень много знаю, потому что странствую очень долго. Ну, а теперь я немного передохну» - мужчина тяжело закашлял и отвернулся.

«Расскажи! Расскажи» - не унимались дети. Громче всех вопила маленькая девочка с каштановыми волосами.

«Ну хорошо, - сказал мужчина, - я расскажу вам эту историю в обмен на вашу историю».

«Но у нас нет историй!» - сказали ребяташки.

«Будет вам история» - прохрипела Шуе внезапно. Казалось, что она взволнована. Она села поудобнее у огня и спросила: «Вы помните Лидию и ее маленького братика Денника?»

«Да!» - выдохнули с восторгом мальчишки, которые слышали историю в прошлый раз.

«Нет». - сказали остальные.

Шуе пришлось кратко рассказать остальным, с чего все начиналось, после этого она продолжила.

«Шел третий день пути. Лидия поднялась с первыми лучами солнца, но сейчас, когда ноги ныли от постоянного напряжения, дух ее упал. Невеселые мысли заполнили голову.

Она села на траву. Вдруг над её головой закружил орел. Он начал снижаться кругами и вскоре сел на траву неподалеку. Девочка невольно замерла. Неторопливыми прыжками птица продвигалась ей навстречу. Что-то очень забавное было в ее манере передвижения, и Лидия успокоилась. Теперь она просто наблюдала.

Птица, тем временем, подобралась довольно близко и теперь нерешительно остановилась у самых ног девочки. Внезапно, она метнулась в сторону и, взмахнув большими крыльями, взмыла вверх. А на дороге лежали два прекрасных сандалия из сыромятной кожи. Лидия вскрикнула от радости. Она быстро надела их - и ногам стало невообразимо легко!

«Спасибо!» - крикнула она птице и помчалась вперед. Ей казалось, что теперь она идет намного быстрее. Пейзажи быстро сменялись один за другим, и уже к вечеру она стояла на берегу синего моря.

Вдалеке в голубой дымке виднелись горы. Теплый бриз приятно ласкал разгоряченное лицо, играя растрепавшимися волосами. Наконец, последние лучи солнца упали на землю, и настала ночь.

Утром она проснулась от холода. Серые тучи плыли над свинцовой водой. По морю бежали белые барашки волн.

Лидия двинулась дальше. Горы впереди быстро приближались, и вот она уже стояла у подножия высокой скалы. Скала была частью горного хребта, шедшего вправо стеной на несколько тысяч километров вглубь плато.

«Как мне ее обойти?» - подумала девочка. Единственным видимым способом было проплыть через бушующее море. Но хлынувший ливень окончательно отрезал путь на несколько часов или дней.

Внезапно, перед скалой снова появился орел.